

The background of the cover is a romantic scene. In the foreground, a closed pink umbrella with a gold handle and a pink ribbon tied around the middle leans against a stone balustrade. The balustrade is adorned with lush pink and peach roses. In the background, a river flows under a stone bridge, with a town and a church spire visible on the far bank under a blue sky with light clouds.

ЛЮБОВЬ СО ВТОРОГО ДУБЛЯ

БЛЭР ВИЛКС

Блэр Вилкс

Любовь со второго дубля

«Автор»

2026

Вилкс Б.

Любовь со второго дубля / Б. Вилкс — «Автор», 2026

На тридцатилетие Элли Беннетт получает от любимого мужчины тостер. После восьми лет ожидания предложения это последнее, что ей нужно. Элли собирает вещи, возвращается в родной английский городок и устраивается на местное телевидение. Она готова начать заново. Правда, новая жизнь начинается с кофе, вылитого на пальто будущего начальника. Оливер Рид требователен, раздражающе привлекателен и способен найти семнадцать ошибок в одном сценарии. У него на всё есть план. У Элли – острый язык, скромная зарплата и твёрдое намерение больше не подстраивать свою жизнь под чужие желания. Между сорванными съёмками, свадебной выставкой и нападением весьма самоуверенного гуся неприязнь становится подозрительно похожа на влечение. А когда бывший появляется с долгожданным кольцом, Элли предстоит понять, какого будущего она хочет теперь. «Любовь со второго дубля» – тёплая романтическая комедия о смелости начать сначала, работе мечты и мужчине, ради которого хочется задержаться после съёмки.

© Вилкс Б., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Восемь лет и тостер	5
Глава 2	9
Кофе без рекомендаций	9
Глава 3	14
Птица высокого полёта	14
Глава 4	19
Прогноз переменной облачности	19
Глава 5	24
Срочно требуется обычный человек	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Блэр Вилкс

Любовь со второго дубля

Глава 1

Восемь лет и тостер

В тот вечер, когда я наконец решила уйти от Тома, он попросил меня передать соль.

Позднее мне хотелось рассказывать эту историю эффектнее. Например, что я сняла с пальца кольцо и бросила его в шампанское. Но кольца не было. Шампанского тоже. Были картофельное пюре, дождь за окном нашей квартиры в Бате и мужчина, который за восемь лет отношений научился определять моё настроение по тому, с какой силой я закрывала посудомойку, однако так и не понял, почему я всё чаще бывала недовольна.

— Соль, Элли.

Я передала.

— Спасибо. Ты сегодня какая-то тихая.

На столе стоял маленький торт. Свечи с цифрами три и ноль я задула час назад, причём тройка упорно падала, словно сама не соглашалась с происходящим. Том подарил мне тостер. Красный, дорогой, на четыре ломтика.

— Я записалась на собеседование, — сказала я.

— Отлично. Куда?

— В Уиллоубридж.

Он поднял глаза.

— Зачем тебе ездить так далеко?

— Я собираюсь переехать.

Том замер с вилкой. Восемь лет я ждала, когда он наконец посмотрит на меня так внимательно. Оказалось, для этого надо было обсуждать не свадьбу, а логистику.

Уиллоубридж лежал примерно в часе езды от Бата. Там я выросла, научилась падать с велосипеда, впервые поцеловалась и поклялась в семнадцать лет, что никогда не вернусь. В семнадцать я также считала, что чёлка, которую я выстригла кухонными ножницами, выглядит по-французски. Мои тогдашние решения не стоило считать обязательными.

— У твоей матери что-то случилось?

— У меня что-то случилось, Том.

Он положил вилку.

За восемь лет он не сделал мне предложения. Это была самая короткая версия. Она звучала так, будто я была женщиной с секундомером, засевшей в кустах возле ювелирного магазина. Настоящая история была длиннее и гораздо менее удобна для застолья.

Мы встретились в двадцать два. Я регистрировала гостей на музыкальном фестивале, он помогал приятелю с рекламой. Том подошёл под дождём и отдал мне сухую толстовку. Она пахла мылом и чем-то древесным. В её кармане лежал шоколадный батончик. Я сочла это практически брачным договором.

Он смеялся над моими шутками, даже когда они были ужасны. Приносил кофе к восьми утра. Говорил: «Когда у нас будет свой дом». Не «если». «Когда».

В двадцать четыре я отказалась от стажировки на маленьком телеканале в Бристоле. Том только устроился в архитектурное бюро, и мы решили, что жить в разных городах будет слишком трудно, особенно в начале совместной жизни. Под «мы решили» я тогда понимала: он

объяснил, почему это неудобно, а я поняла, потому что любила его и очень гордилась своей способностью понимать.

В двадцать шесть мы купили диван. На следующий день я сказала, что хотела бы свадьбу без ста гостей и белых голубей. Том ответил, что сначала нужно встать на ноги.

В двадцать семь его повысили.

В двадцать восемь он захотел сменить машину.

В двадцать девять мы обсуждали отпуск. Я предложила Италию, а он сказал, что Италия слишком романтичная и там все начнут думать, будто он собирается делать предложение.

Я засмеялась. Иногда женщина смеётся именно там, где следовало бы собрать вещи.

— Это из-за подарка? — осторожно спросил он.

Тостер стоял на кухонной стойке между вазой с тюльпанами и чайником. Я посмотрела на него. Четыре отверстия. Четыре возможных маршрута для хлеба. По сравнению с моей жизнью — головокружительный выбор.

— Не из-за тостера.

— Ты сама сказала, что старый жжёт хлеб.

— Да. А ещё я говорила, что хочу семью.

— Мы семья.

— Тогда почему любой разговор о нашем будущем начинается со слов «только не сейчас»?

Том потёр переносицу. Этот жест означал, что в разговоре появился непрактичный элемент, и теперь взрослому мужчине придётся с ним разобраться.

— Элли, нам хорошо. Зачем что-то менять?

За окном проехал автобус. Красный свет скользнул по стене и исчез. Я вдруг вспомнила все вечера, когда репетировала важные разговоры в ванной, а потом выходила и спрашивала, что он хочет на ужин.

— Тебе хорошо, — сказала я. — Я тоже долго старалась чувствовать то же самое.

— Это нечестно.

— Знаю. По отношению к нам обоим.

Он смотрел на меня так, словно я внезапно объявила, что восемь лет тайно занималась разведением крокодилов.

— Почему ты раньше не сказала?

И вот это было почти смешно. Почти.

Я не стала перечислять разговоры. Они вдруг показались тяжёлым чемоданом, который больше не обязательно тащить. Вместо этого встала, взяла тарелки и понесла их на кухню.

На полу пути остановилась.

— Нет, знаешь что? Помой сам.

Никакой эффектной сцены расставания. Но для меня это был настоящий бунт.

Моя лучшая подруга Розы приехала на следующий день на маленьком жёлтом фургоне, принадлежавшем её цветочной лавке. На боку было написано: «Розы и розы. Скажите это букетом». Под надписью кто-то пальцем вывел на грязь: «А если он идиот?»

— Я уже заказала новый слоган, — сказала Розы, когда я указала на надпись. — «Скажите это кактусом».

Она обняла меня так крепко, что у меня хрустнула спина.

— Ну что, забираем твою жизнь?

— Она пока в шести коробках.

— Экономная жизнь. Моя заняла бы двенадцать. Одни неудачные покупки после полуночи чего стоят.

Том ушёл на работу рано. На столе оставил записку: «Давай не будем спешить». Я положила её в ящик с инструкциями к бытовой технике. Там ей было самое место.

Мы упаковывали книги, одежду, две чашки и растение, которое восемь лет пыталось умереть, но из вежливости откладывало. На верхней полке шкафа я нашла коробку с билетами. Наш первый концерт. Поездка в Корнуолл. Музей, где Том целый час делал вид, что интересуется керамикой, потому что я читала каждую табличку.

Я села на пол.

Рози ничего не сказала. Она умела не превращать чужую боль в срочную задачу.

— Он ведь не был плохим, — произнесла я.

— Знаю.

— Он привозил лекарства, когда я болела. Забирал меня после мероприятий. Помнит, что я терпеть не могу изюм.

— Для хорошего мужчины тоже можно оказаться неподходящей женщиной. И наоборот.

— Я потратила восемь лет.

Рози села рядом, поджав ноги.

— Ты прожила восемь лет. Часть — счастливо. Часть — в ожидании. Обидно за вторую часть, понимаю. Но ты не обязана дарить ему девятый год, чтобы оправдать первые восемь.

Я прижала к груди билет из Корнуолла. На обороте Том когда-то нарисовал меня и чайку. Чайка получилась лучше.

Мы оставили коробку с билетами. Не потому, что я решительно вычеркнула прошлое. Просто мне пока было непонятно, куда его ставить.

Тостер Том предложил забрать по телефону.

— Это твой подарок.

— Пусть останется. У вас уже есть общие планы.

— Элли.

— Прости. Это была дешёвая шутка.

— Он вообще-то дорогой.

Рози услышала последнюю фразу и уткнулась лицом в полотенца, сложенные в коробку. Её плечи тряслись.

Из Бата мы выезжали под дождём. Моя машина осталась у дома: она дожидалась ремонта, на который теперь предстояло накопить. Я считала мосты, чтобы не смотреть назад. На третьем перестала считать и расплакалась. Рози прибавила громкость музыки, а потом обнаружила, что играет реклама средства от грибка ногтей.

— Не самый подходящий саундтрек, — сказала она. — Но в целом про освобождение.

К Уиллоубриджу дождь кончился. Показались невысокие каменные дома, церковь, река Уиллоу и старый мост, который городские открытки изображали так, будто его ежедневно целовало солнце. В реальности мост чаще блестел от влаги и наблюдал за пробками.

Мама ждала у калитки в дождевике поверх домашнего платья.

— Я сварила суп, — сообщила она вместо приветствия.

В нашей семье суп означал: я люблю тебя, мне страшно за тебя, пожалуйста, не выходи замуж за первого встречного только потому, что предыдущий оказался упрямым.

— Мам, мне тридцать. Я могу жить самостоятельно.

— Конечно. Суп тоже самостоятельный. В кастрюле.

Я засмеялась и расплакалась одновременно. Мама забрала у меня растение.

— Господи, Элли. Ты привезла гербарий?

Две ночи я спала в детской комнате, где на потолке всё ещё светились три пластиковые звезды. На третью перебралась к Рози, в маленькую квартиру над её магазином. Она брала с меня посульную плату за комнату и категорически запрещала платить благодарностью.

— Мой арендодатель благодарность вместо денег не принимает. Я проверяла.

Собеседование назначили на понедельник. Телеканал «Уиллоу» искал младшего продюсера вечернего городского тележурнала. Слово «младший» рядом с моим возрастом сначала

вызвало у меня раздражение, но потом я вспомнила, что старшей специалисткой по ожиданию уже была.

Моё резюме включало семь лет организации мероприятий, работу с гостями, сценарии презентаций и студенческую практику на радио. Я приложила два коротких видеоролика, которые снимала для клиентов, и честное письмо: хочу вернуться к работе, от которой когда-то отказалась.

Ответ пришёл через сутки.

«Понедельник, 09:00. Оливер Рид, выпускающий редактор».

В воскресенье я распечатала резюме, погладила блузку и выбрала удобные туфли. Роза вошла с бокалом вина и посмотрела на разложенные вещи.

— Собеседование или похороны герцога?

— Это деловой стиль.

— Это блузка женщины, которая заранее извиняется за существование.

Она принесла мою синюю рубашку.

— Вот. В ней у тебя есть собственное мнение.

— Как думаешь, возьмут?

— Думаю, ты им нужна. Городское телевидение вчера двенадцать минут обсуждало кабачок необычной формы.

— Может, он был важен для сообщества.

— Он напоминал бывшего мэра. Сообщество заинтересовалось.

Ночью я долго лежала без сна, слушая, как внизу гудит холодильник с цветами. Том прислал: «Ты добралась нормально?» Сообщение пришло через три дня после моего отъезда.

Я ответила: «Да».

Он начал что-то печатать, перестал, начал снова. Я выключила телефон.

Утром над городом висел мягкий серый туман. Я вышла пораньше, купила кофе в кафе возле моста и впервые за много лет не знала точно, что случится со мной к вечеру.

Это было страшно.

Это было прекрасно.

А потом я столкнулась с мужчиной в тёмном пальто и вылила на него весь кофе. Прекрасная часть продлилась недолго.

Глава 2

Кофе без рекомендаций

Мужчина посмотрел на своё пальто, потом на меня. Во взгляде не было ни ярости, ни удивления. Только спокойное разочарование человека, который подозревал, что день окажется идиотским, и вот получил письменное подтверждение.

— Простите, — сказала я. — Это мой кофе.

— Я заметил.

— То есть теперь, технически, ваш.

Он поднял с тротуара упавший стаканчик.

— Щедро.

У него были серые глаза, тёмные волосы и лицо, слишком хорошо организованное для половины девятого утра. Даже брови выглядели так, словно подчинялись внутреннему распорядку.

Я полезла в сумку за салфетками. Вытащила чек, губную помаду, старый билет на автобус и одну вилку.

Он посмотрел на вилку.

— На случай сопротивления?

— Я ем салаты.

— Успокоили.

Наконец нашлась салфетка. Одна. На ней было написано: «Хороший день начинается здесь».

Мы оба прочитали.

— У них проблемы с точностью формулировок, — сказал он.

Я протянула салфетку и предложила оплатить чистку. Он отказался, но не так, чтобы мне стало легче.

— В следующий раз смотрите вперёд.

— А вы не останавливайтесь посреди тротуара.

Это вырвалось раньше, чем я успела решить, полезно ли спорить с собственной жертвой.

Мужчина поднял бровь.

— Я стоял у пешеходного перехода.

Горел красный.

— Да, — сказала я. — Серьёзный аргумент.

Он ушёл, а я ещё минуту стояла под моросящим дождём, обнимая папку с резюме. Одна из страниц намокла. В разделе «Навыки» расплылось слово «коммуникабельность».

Здание телеканала занимало бывшую мебельную фабрику у реки. На кирпичной стене висела вывеска «Уиллоу», под ней — расписание передач, а в окне стоял большой плюшевый барсук в галстуке. Рядом кто-то наклеил бумажку: «Генеральный директор в отпуске».

За стойкой сидела женщина лет шестидесяти с серебристыми волосами и красными очками на цепочке.

— Элли Беннетт? — спросила она.

— Да.

— Дот Харпер. Здесь я отвечаю на звонки, заказываю канцелярию и знаю, кто съел чужой йогурт. Снимайте пальто.

— У меня собеседование с мистером Ридом.

— Это проходит.

— Что?

— Первое впечатление. Чай?

Я согласилась. В здании пахло пылью, кофе и горячими проводами. Из-за двери донеслось: «Кто поставил похоронную музыку на прогноз погоды?» Другой голос ответил: «Посмотри на прогноз».

Дот вручила мне чашку.

— С молоком. Если без молока, поздно: у меня уже концепция.

Я сидела на диванчике и изучала стенд с фотографиями. Ведущая с идеальной укладкой держала гигантскую морковь. Молодой оператор стоял по пояс в грязи. Пожилой мужчина пожимал лапу собаке. Все выглядели счастливыми, хотя оператор — с некоторыми оговорками.

В девять ровно дверь открылась.

— Элли Беннетт?

Пальто на нём уже не было. Он был в белой рубашке, а выражение его лица помогло мне понять: иногда судьба не закрывает дверь, а любезно придерживает её, чтобы ты ударила лбом.

— Нет, — сказала я.

Дот посмотрела на меня.

— Минуту назад была.

Мужчина перевёл взгляд на мою чашку.

— Поставьте, пожалуйста. До того, как войдёте.

Оливер Рид оказался не просто выпускающим редактором. Он руководил всей небольшой редакцией городского тележурнала «Наш вечер». Ему было тридцать — это я узнала позже и обиделась, потому что ожидала получить хотя бы возрастное преимущество.

Кабинет у него был маленький. На столе лежали три аккуратные стопки бумаг, рядом стояли фотография чёрной собаки и пустая кружка.

— Садитесь.

Я села слишком быстро, и стул издал звук, похожий на обвинение.

— Он так со всеми, — сказал Оливер.

— Стул или вы?

Он посмотрел на меня.

Я посмотрела на папку.

— Простите.

— За стул не нужно. Расскажите, почему хотите работать на телевидении.

Я приготовила красивый ответ про любовь к историям и силу местного сообщества. После утреннего происшествия он звучал бы как текст человека, которого насильно одели во взрослую одежду.

— Потому что мне нравится находить в людях то, чего они сами не замечают, — сказала я. — На мероприятиях я научилась слушать, успокаивать гостей и быстро менять план. Но обычно всё это заканчивается фотографиями улыбающихся людей возле логотипа. Мне хотелось бы, чтобы оставалось что-нибудь ещё.

— Например?

— История. Причина кому-нибудь позвонить. Повод выйти из дома.

Оливер сделал пометку.

— У вас мало телевизионного опыта.

— Да.

— Прямые эфиры?

— Один студенческий. Я назвала проректора именем его собаки.

— Почему?

— На листке было написано «Артур». Я не знала, что это напоминание забрать лабрадора от грумера.

Уголок его рта едва заметно дрогнул.

— И как вы вышли из ситуации?

— Извинилась. Потом спросила о собаке. Он расслабился, и интервью получилось лучше, чем мы рассчитывали.

— Значит, предлагаете называть всех гостей именами домашних животных?

— Только сложных.

Он откинулся на спинку стула. К собственному раздражению, я заметила, как ему идут закатанные рукава. Некоторым мужчинам не следует позволять закатывать рукава во время профессионального конфликта.

— У нас мало денег, — сказал Оливер. — Бывает скучно. Бывает тяжело. Иногда пять человек делают работу десяти, а зритель звонит, чтобы сообщить, что вчера у ведущей была блузка получше. Почему не остаться в организации мероприятий?

Я могла ответить, что прежнее агентство сократило мой отдел и предложило перейти на контракт. Что сокращение пришлось как раз на тот момент, когда я решила уехать. Всё это было правдой, но объясняло не всё.

— Потому что я уже однажды выбрала более удобную жизнь, — сказала я. — Не хочу делать это автоматически снова.

Оливер несколько секунд молчал, потом положил передо мной лист.

— Тестовое задание. Завтра в городском парке открывают обновлённую площадку. Мэр, подрядчик, детский хор. Дайте три варианта сюжета.

Я прочитала пресс-релиз. Восемь раз встретила слово «уникальный».

— Первый: что конкретно изменилось и кто может пользоваться площадкой. Второй: разговор с родителями детей, которым раньше было неудобно сюда приходить. Третий: история человека, который добивался ремонта.

— В пресс-релизе его нет.

— Именно.

Оливер поставил ещё одну отметку.

— А мэр?

— Если качели выдержат, можно посадить его на качели.

На этот раз он действительно улыбнулся. Коротко. Как будто улыбку разрешили на испытательный срок.

Потом началась самая неприятная часть: зарплата, график, обязанности, трёхмесячный испытательный срок. Оливер говорил ясно, не обещал карьерного взлёта и честно предупредил, что утренние съёмки иногда начинаются раньше человеческого достоинства.

— К восьми? — спросила я.

— К шести.

— То есть ночью.

— Для хлебопекарей это обед.

Я посмотрела на предложенную сумму. После оплаты комнаты, проезда и еды денег оставалось немного. Но оставалось. Впервые за долгое время я считала деньги, не включая в расчёт другого человека.

Оливер дал мне договор для изучения и сказал, что окончательное решение сообщит во второй половине дня. Я встала.

— Ещё раз простите за кофе.

— Ещё раз смотрите вперёд.

— Вы всем соискателям даёте жизненные советы?

— Только вооружённым вилок.

В коридоре я едва не столкнулась с высоким рыжеватым парнем, несущим штатив.

— Ты новая? — спросил он.

— Пока неизвестно.

— Финн, оператор. Если останешься, не ешь печенье из синей банки.

— Почему?

— Дот утверждает, что оно для гостей. А что будет, если съесть, мы проверять боимся.

Из монтажной выглянула девушка с тёмными кудрями и карандашом за ухом.

— Не слушай. Печенье для тех, кто первым добежит. Я Прия.

— Элли.

— Рид сильно напугал?

— Пока только лицом.

Прия довольно кивнула.

— Перспективно.

Я вышла из здания и позвонила Розе.

— Начальник — тот мужчина, которого я облила кофе.

— В романах это хороший знак.

— В трудовом праве вряд ли.

— Красивый?

— Очень неприятный.

— Я спросила про лицо.

— У лица тоже характер.

Роза торжествующе вздохнула. Я запретила ей делать выводы и пошла вдоль реки, чтобы не возвращаться домой сразу. Вода была коричневой после дождей. На скамейке пожилая пара делила пакет чипсов; мужчина выбирал из пакета самые крупные чипсы и отдавал жене. Я смотрела на них дольше, чем следовало.

Телефон завибрировал в половине третьего.

«Готовы предложить вам должность. Если условия устраивают, начало в среду, 08:00. Не в 08:05. О. Рид».

Я перечитала последнее предложение трижды.

Потом написала: «Устраивают. В среду буду в 07:55. С кофе в герметичной таре».

Ответ пришёл сразу.

«Ценю профессиональный рост».

Я улыбнулась телефону, заметила это и немедленно перестала.

В первый рабочий день я пришла в семь пятьдесят четыре. Дот была на месте.

— Поздравляю, — сказала она. — Теперь твои проблемы официально наши.

Она вручила мне пропуск, блокнот и кружку с надписью «Это не паника, это производство».

Мне выделили место за длинным общим столом, между Прией и папоротником. Папоротник выглядел увереннее меня. К монитору была приклеена записка: «Не выключать во время обновлений, даже если хочется начать новую жизнь».

Оливер появился ровно в восемь, уже с телефоном у уха.

— Нет, — говорил он. — Сова не может сидеть на ведущей. Потому что ведущая против. Нет, это не дискриминация птиц.

Он закончил разговор и посмотрел на меня.

— Добро пожаловать. Сегодня вы помогаете Прие с гостями, проверяете подписи и готовите выезд на пятницу.

— Что в пятницу?

— Фестиваль местных производителей.

— Отлично.

— С гусем.

— Простите?

— Победитель конкурса домашних птиц. Его зовут сэр Персиваль.

Прия подняла голову.

— Не смотри ему в глаза.

Я засмеялась, решив, что это шутка.

Никто не засмеялся в ответ.

Оливер положил на мой стол план выпуска.

— И ещё, Элли. У нас всё проверяется дважды. Имена, время, адреса. Если не уверены

— спрашивайте.

— Я умею работать.

— Я этого пока не знаю.

Он ушёл.

Я раскрыла блокнот и на первой странице написала: «Доказать Оливеру Риду, что он ошибается».

Подумала и добавила: «Не убить гуся». Тогда я ещё не представляла, какой из пунктов окажется сложнее.

Глава 3

Птица высокого полёта

К пятнице я усвоила три правила местного телевидения. Первое: никто не знает, где лежит переходник, но все помнят человека, который взял его последним. Второе: слова «у нас есть запасной план» означают, что кто-нибудь сейчас побежит. Третье: если Дот говорит «интересно», пора волноваться.

— Интересно, — сказала Дот, глядя на переноску с гусем.

Сэр Персиваль приехал за сорок минут до съёмки с хозяйкой, миссис Пайк, женщиной в твидовой юбке и резиновых сапогах. Она держала корзинку с яйцами, фотографии победителя и папку с его родословной.

— У него непростой характер, — предупредила она.

Гусь посмотрел на нас через решётку.

— У нас тоже, — ответила Прия.

Пятничный сюжет решили снять в студии: на рыночной площади ремонтировали электропроводку. Я заранее позвонила всем участникам, проверила имена и уточнила требования. Миссис Пайк сказала, что Персивалью нужна вода, спокойная обстановка и уважение. Я передала это Оливеру. Он ответил, что вода будет.

Теперь студия выглядела как фермерский магазин после небольшого землетрясения. На столе стояли банки мёда, сыр и пирог. В углу расцветал венок из пшеницы, который Роза одолжила нам с условием вернуть без зубных следов. Ведущая Мэриголд поправляла волосы перед зеркалом.

Мэриголд было пятьдесят с небольшим. Она тридцать лет работала в эфире и могла сообщить о перекрытии дороги так, что хотелось купить билеты.

— Элли, дорогая, проверь, пожалуйста, воротник. Микрофон опять делает мне третью грудь.

Я переставила петличку.

— Прекрасно. Теперь у меня обычное для этого времени суток количество.

Оливер прошёл по студии с планшетом.

— Начинаем запись через десять минут. Гусь остаётся в переноске до команды.

— Он в клетке волнуется, — сказала миссис Пайк.

— Мы вне клетки тоже.

Я заметила, что он стал между переноской и кабелями. Уже потом поняла: не просто стоял, а оценивал, что может случиться.

— Элли, согласие на съёмку?

— Подписано.

— Правильное написание фамилии?

— Пайк. Проверила по письму.

— Номер телефона?

— Есть.

— План, если птица испугается?

Я указала на небольшую загородку, которую принесла из реквизиторской.

— Миссис Пайк берёт его на руки. Мы прекращаем запись. На полу скользящий коврик.

Он посмотрел на коврик и кивнул.

Это было крохотное одобрение. Я почти ненавидела себя за то, как приятно стало.

Катастрофа началась с сыра.

Пока Финн выбирал другой ракурс, производитель местного чеддера открыл контейнер. Миссис Пайк отвлеклась, чтобы объяснить, что Персиваль любит горошек, но сыром его кормить нельзя. В этот момент дверца переноски осталась незапертой.

Гусь вышел с достоинством приглашённого эксперта, которому надоело ждать.

— О, — сказала я.

Оливер поднял голову.

— Не двигайтесь.

Конечно, я двинулась.

Я хотела закрыть проход к дверям. Сэр Персиваль решил, что я оспариваю его право на редакционную независимость, вытянул шею и зашипел.

Я отступила.

Он наступил.

— Элли, медленно, — сказал Оливер.

— Я очень медленно боюсь!

Гусь сделал выпад. Я вскочила на низкую платформу рядом с декорацией камина. Мэри-голд подняла ноги на диван, не выпуская чашку из рук.

— У нас появился новый политический обозреватель, — заметила она. — Напористый.

Финн смеялся беззвучно, то есть хуже всего. Прия держала дверь, а миссис Пайк звала птицу ласковым голосом, каким обычно приглашают неверного мужа домой.

— Перси, милый! Не будь неприятным!

Перси не согласился.

Оливер взял большой серый плед с дивана, опустился на корточки и неожиданно спокойным голосом сказал:

— Ну давай, дружище. Все тебя увидели.

— Он не понимает речь, — пискнула я с платформы.

— Значит, у вас есть кое-что общее.

— Спасибо за поддержку!

Оливер не бросил плед на гуся, как я ожидала. Он расправил его перед собой, перегородив птице проход, и медленно направил Персиваля к хозяйке. Миссис Пайк ловко подхватила его. Гусь тут же превратился в благовоспитанную белую подушку.

Я спустилась с платформы, зацепилась каблуком за край и оказалась бы на полу, если бы Оливер не подхватил меня за локоть.

Его ладонь была тёплой.

Это наблюдение меня разозлило. В чрезвычайной ситуации мозг должен отмечать выходы, а не температуру мужчины.

— Целы? — спросил он.

— Морально нет.

Он отпустил меня, убедившись, что я стою.

— Финн, камеру выключить. Прия, пять минут перерыва. Миссис Пайк, оставим Персиваля у вас на руках. Элли, со мной.

Слова «со мной» прозвучали как вызов к директору школы.

В коридоре он закрыл дверь.

— Я просил не двигаться.

— А я пыталась помочь.

— Я знаю. Но испуганная птица и человек на каблуках возле проводов — плохая комбинация.

— Можно было сказать это без реплики про интеллект.

Он помолчал.

— Да. Можно было.

Я не ожидала согласия и растерялась: заготовленная речь вдруг оказалась не нужна.

— Это была неудачная шутка, — сказал он. — Извините.

— Принято.

— Но распоряжения по безопасности всё равно надо выполнять.

— Я поняла.

Мне хотелось защищаться дальше, однако он говорил спокойно и смотрел прямо, без удовольствия от собственной правоты. Это делало спор гораздо менее удобным.

Когда мы вернулись, миссис Пайк сидела рядом с Мэриголд. Персиваль устроился у неё на коленях. Я предложила начать не с конкурса, а с вопроса, почему она завела гусей.

— Муж любил их, — сказала миссис Пайк. — Все считали, что он странный. А я думала: если человек способен любить гуся, с женой он точно справится.

Мэриголд улыбнулась.

Запись получилась удивительно тёплой. Миссис Пайк рассказывала о муже, о ферме, о внучке, которая назвала Персиваля в честь рыцаря из книжки. Производитель сыра подал ей салфетку, когда она расчувствовалась, и гусь попытался съесть край салфетки. Мэриголд сказала, что романтическую историю одобряет вся семья.

После съёмки я проводила гостью к машине.

— Вы не ушиблись? — спросила миссис Пайк.

— Только гордость.

— Хорошая вещь, но иногда мешает ходить.

Она сунула мне в руки коробочку с двумя яйцами.

— За хлопоты.

На обратном пути я обнаружила в телефоне сообщение от Тома. Фотография красного тостера. Подпись: «Он скучает».

Я стояла посреди парковки с гусиными яйцами и не знала, что хуже: то, что Том не написал «я скучаю», или то, что я моментально начала искать оправдание.

В редакции Финн показал мне десятисекундный кусок записи моего восхождения на платформу.

— Удалю, если скажешь.

— Удаляй.

Он без спора нажал нужную кнопку.

Я почувствовала облегчение, неожиданно сильное. В агентстве подобное видео немедленно попало бы в общий чат под заголовком «Наша звезда».

— Спасибо.

— Не за что. Если ты сама решишь стать легендой, переснимем профессионально.

После обеда Оливер попросил меня разобрать материал и выбрать фрагменты для короткого ролика. Я оставила историю о муже и гусе, чуть-чуть сыра и финальную реплику Мэриголд. Вместо красивого кадра ярмарочной вывески начала с рук миссис Пайк, поглаживающих белые перья.

Оливер посмотрел монтажную сборку дважды.

— Почему так?

— Потому что на вывеску зритель посмотрит и переключит канал. А на руки захочет посмотреть ещё.

Он кивнул.

— Согласен. Только здесь уберите три секунды. Она ищет слово, и темп проваливается.

— Мне кажется, пауза важна.

— Почему?

Я объяснила. Он снова включил отрывок.

— Хорошо. Оставим паузу. Уберём мой вопрос.

Тогда я впервые поняла: его «почему» не всегда означает «вы неправы». Иногда он действительно хотел услышать ответ.

К шести мы закончили. В пятницу коллектив обычно шёл в паб «Якорь и утка», который все называли «Уткой», потому что якорь требовал лишнего дыхания. Меня пригласили. Я уже собиралась согласиться, когда увидела Тома на экране телефона.

Он звонил.

Я вышла на лестницу.

— Привет.

— Привет, Элли. Как новая работа?

Я рассказала про гуся. Том рассмеялся.

— Господи. Вот поэтому я всегда говорил, что телевидение — цирк.

— Мне понравилось.

— Да я не в плохом смысле. Просто ты могла бы заниматься чем-нибудь серьёзнее. У нас в офисе ищут координатора проектов. Я мог бы спросить.

Я посмотрела на свой пропуск. На нём была моя фамилия и очень неудачная фотография. На фотографии я выглядела как женщина, которая подозревает, что её сейчас будут допрашивать.

И всё-таки это было моё.

— Не надо, — сказала я.

— Я пытаюсь помочь.

— Знаю. Но я уже нашла работу.

Он вздохнул.

— Ты ещё злишься.

— Я не просто злюсь, Том.

— Давай встретимся через неделю. Когда всё немного уляжется.

Я не обещала и закончила разговор.

На лестничной площадке стоял Оливер с коробкой в руках. Я не знала, сколько он слышал, и заранее приготовилась сердиться.

— Дот велела отнести это в машину, — сказал он.

Из коробки торчал венок Розы.

— А вы обычно выполняете её приказы?

— Все выполняют приказы Дот. Даже электричество.

Я неожиданно засмеялась.

Он посмотрел на телефон в моей руке, потом на меня.

— Плохой день?

— Сложный.

— Сюжет хороший.

Я кивнула, потому что горло почему-то сжалось.

— Правда?

— Я не говорю такое из вежливости.

— Это я уже заметила.

Он поставил коробку у двери, чтобы достать ключи.

— Вы идёте с остальными?

— Да. Кажется, да.

— Тогда до понедельника.

— Вы не идёте?

— Нужно забрать собаку.

Я вспомнила фотографию на столе.

— Как зовут?

— Пудинг.

На секунду в коридоре стало совершенно тихо.

— Простите, — сказала я. — Мне нужно немного времени.

Оливер закрыл глаза.

— Её назвала моя сестра.

— Конечно.

— Она не отзывается на другие имена.

— Собака или сестра?

Он посмотрел на меня, и я увидела ту самую короткую улыбку. На этот раз чуть длиннее.

В пабе Прия подвинула мне стул, Финн заказал картошку, а Дот, неизвестно как успевшая раньше нас, подняла бокал.

— За Элли. Первая неделя, ни одной жалобы зрителей.

— Выпуск ещё не вышел, — заметил Финн.

— Тем более надо успеть.

Я смеялась, ела горячую картошку и слушала историю о том, как Мэриголд однажды брала интервью у человека, который пришёл не на ту передачу и двадцать минут уверенно рассказывал про пчеловодство вместо ремонта дорог.

За окном темнело. Телефон лежал в сумке экраном вниз.

Когда Роза спросила вечером, как прошла первая неделя, я ответила:

— На меня напал гусь.

— А начальник?

Я подумала.

— Начальник пока держится.

Глава 4

Прогноз переменной облачности

В понедельник Оливер сделал в моём сценарии семнадцать правок.

Я посчитала. Это было мелочно, зато помогало не плакать.

Сюжет касался старого городского бассейна. Муниципалитет собирался закрыть его на ремонт, но никто не понимал, на какой срок и вернётся ли туда вода раньше, чем дети нынешних посетителей выйдут на пенсию. Я написала вступление про сердце сообщества и десятилетия счастливых воспоминаний.

На полях стояло: «Что конкретно?»

Под следующим абзацем: «Источник?»

Возле фразы «город потеряет больше, чем бассейн»: «Покажите».

Я отнесла лист к его столу.

— Вы случайно не испытываете личной неприязни к прилагательным?

— Только когда они заменяют информацию.

— Это человеческая история.

— Тогда найдите человека.

Я скрестила руки.

— Вы всегда разговариваете так, будто выдаёте квитанции?

Оливер снял очки. В очках он выглядел ещё хуже для моего душевного спокойствия.

— Элли, вы хорошо чувствуете живую речь. Но сейчас вы написали рекламный текст. Зритель должен понять, что случилось, кого это касается и что известно наверняка.

— Я знаю, как написать текст.

— Тогда перепишите.

Мы смотрели друг на друга через стол. Я подумала, что ненавижу его. Мысль была ясная, приятная и прекрасно помещалась в утреннее расписание.

Через десять минут я позвонила в бассейн.

Ещё через час мы с Финном стояли у кирпичного здания с облупившейся синей вывеской. Над входом красовался дельфин, анатомия которого вызвала вопросы. Возле двери нас встретила управляющая Джоан, женщина с такими сильными предплечьями, что я сразу поверила в её способность поддерживать здание в рабочем состоянии лично.

— Снимайте что хотите, — сказала она. — Только плитку возле душевых не трогайте. Она держится на оптимизме.

Внутри пахло хлоркой и детством. Я вспомнила резиновую шапочку, которую мама натягивала мне на голову, и ужас перед глубокой частью бассейна.

Джоан показала нам план ремонта крыши и замены труб, а также смету. Решения о закрытии навсегда не было. Слухи появились после обсуждения расходов, а дальше город сделал то, что город умел лучше всего: рассказал историю быстрее, чем выяснил факты.

— Значит, нельзя говорить, что бассейн закрывают навсегда?

— Нельзя, — ответила Джоан. — Но можно спросить, куда нам идти, пока его ремонтируют. В соседний город автобус три раза в день. И тот не умеет плавать.

У бортика стоял пожилой мужчина в полосатом халате. Он смотрел, как группа женщин занимается в воде под музыку, которую я помнила по маминой кассете.

— Это Артур Белл, — сказала Джоан. — Сорок лет приходит. Артур, телевидение!

— Долг возвращать не буду, — сообщил он.

— Мы пока не просили.

— Я предупреждаю. От журналистов никогда не знаешь, чего ждать.

Ему было семьдесят восемь. Он согласился поговорить, если камера не будет снимать его колени. Мы заключили устный договор.

Артур рассказал, что после выхода на пенсию стал ходить в бассейн почти каждый день. Врач посоветовал больше двигаться. Потом здесь появились друзья. Потом его жена заболела, и соседка по дорожке стала привозить им готовую еду.

— Жены уже нет, — сказал он просто. — А суп всё ещё привозят. Иногда я думаю, что хожу сюда, чтобы его отработать.

Я перестала искать красивый вопрос.

— Что вам здесь нравится больше всего?

Он кивнул в сторону воды.

— Когда меня замечают. Если не прихожу, звонят. В нашем возрасте это уже довольно роскошная услуга.

После интервью я попросила его показать шкафчик, с которым он сорок лет ведёт войну. Замок заедал. Артур ударил его ладонью, и дверца открылась.

— Договорились, — сказал он камере.

На обратном пути Финн купил нам кофе.

— Хороший материал.

— Скажи это Риду. Желательно под запись.

— Он увидит.

— У него в голове вообще бывает что-нибудь кроме хронометража?

Финн посмотрел на меня с выражением человека, которому известно много, но жизнь пока дорога.

— Бывает Пудинг.

— Уже слышала.

— Тогда ты почти в ближнем круге.

В редакции Оливер посмотрел интервью с Артуром молча. Я стояла рядом и чувствовала себя школьницей с лягушкой для урока биологии.

Когда запись закончилась, он сказал:

— Вот это и есть сюжет.

Я приготовила победную реплику, но он продолжил:

— Нужен ответ муниципалитета и подтверждение временного плана. Позвоните. Если до выпуска не ответят, так и скажем.

Я позвонила. Потом ещё раз. Потом нашла человека, который не был на совещании, в отпуске или «как раз отошёл». К вечеру у меня было письменное подтверждение: решение о сроках примут через три недели, обсуждение с жителями ещё продолжается.

В сюжет вошли история Артура, кадры занятий и ясное объяснение того, что известно. Без слов про сердце сообщества. Когда я смотрела на его руку, которой он осторожно поддерживал на ступеньке соседку, сердце сообщества было и так видно.

Оливер оставил на моём столе распечатку нового текста. Внизу написал: «Хорошая работа».

Я сложила лист и убрала в блокнот раньше, чем успела спросить себя, зачем это делаю.

Следующий выезд был посвящён прогнозу весенней погоды. Местный садовод должен был показать, какие растения переживут неожиданное похолодание. Финн заболел, Прия монтировала срочный выпуск, и Оливер поехал со мной сам.

— Вы умеете снимать? — спросила я.

— Нет. Камера для убедительности.

— Я просто уточняю.

— Хорошая привычка. Продолжайте.

Садовод встретил нас у запертой калитки и сообщил, что жена увезла ключи. Пока он звонил ей, начался дождь. Не английская декоративная морось, под которую красиво пьют чай, а честный ливень, намеренный проникнуть под одежду.

Мы спрятались под навесом сарая. Садовод ушёл за соседкой, у которой якобы был запасной ключ. Через пять минут стало очевидно: запасного ключа не было, но было желание обсудить историю его исчезновения.

Я держала над камерой зонт. Оливер проверял оборудование.

— Вы мокнете, — сказала я.

— Камера дороже.

— Приятно знать ваши приоритеты.

Он поправил зонт так, чтобы накрыть меня тоже. В результате наши плечи соприкоснулись. Я немедленно заинтересовалась водосточной трубой.

— Вы давно здесь работаете?

— Четыре года.

— А до этого?

— Бристоль. Новости. Сначала ассистентом, потом продюсером.

— Почему уехали?

Он несколько секунд смотрел на дождь.

— Захотелось понимать, кто смотрит мои сюжеты.

Я почувствовала, что ответ неполный, но не стала тянуть за нитку.

— А вы? — спросил он. — Почему вернулись?

— Работу сменить.

Он посмотрел на меня.

— Это ответ для собеседования.

— Вы всё ещё мой начальник.

— Справедливо.

Мы помолчали. Дождь барабанил по крыше сарая с энтузиазмом начинающего ударника.

— Я рассталась с человеком, — сказала я наконец. — Восемь лет вместе.

Оливер не произнёс ни «сочувствую», ни «всё к лучшему». Просто кивнул.

— Тяжело переезжать после такого.

— Особенно когда обнаруживаешь, что все хорошие кастрюли были его.

— Непростительная предусмотрительность.

Я улыбнулась.

— Он подарил мне на тридцатилетие тостер.

— Вы любите тосты?

— Оливер.

— Понял. Не в хлебе дело.

Это прозвучало так спокойно, что мне захотелось рассказать остальное. Я не рассказала. Для первого разговора под дырявым навесом уже было достаточно.

Садовод вернулся с женой, которая держала ключи и смотрела на него с тем знакомым выражением, какое возникает после сорока лет супружества и одного утреннего предупреждения «ключи на крючке».

— Они были на крючке, — сообщила она.

— Не на том.

— На единственном, Альберт.

Сюжет мы сняли под морозящим дождём. Альберт объяснял, как укрывать молодые растения, его жена поправляла терминологию из-за камеры, а я задавала вопросы, стараясь не смеяться. Оливер снял их руки, осторожно натягивающие защитную ткань на саженец.

Когда мы закончили, я обнаружила, что промокла насквозь.

В машине пахло мокрой шерстью и мятной жвачкой. Оливер включил обогрев, достал с заднего сиденья тёмную толстовку и протянул мне.

— Наденьте.

— Это приказ?

— Это хлопок.

— У вас на всё есть ответ?

— Не на всё. Но на мокрую рубашку есть.

Я натянула толстовку поверх своей одежды. Она была велика и пахла стиральным порошком. Я вспомнила толстовку Тома восемь лет назад и на секунду замерла.

Оливер заметил.

— Что-то не так?

— Нет. Просто холодно.

Он ничего не спросил и сделал обогрев посильнее.

По дороге мы заехали в маленькую пекарню. Я собиралась купить себе обед, но кошелек оказался в сумке с оборудованием, заваленной остальными вещами в багажнике. Оливер заплатил за две булочки с сыром.

— Верну деньги.

— Хорошо.

Это «хорошо» понравилось мне больше, чем великодушное «не нужно». Я перевела ему стоимость обеда, когда мы добрались до редакции, и подписала перевод: «Компенсация за выживание».

Он посмотрел на телефон.

— Булочка была не настолько плоха.

Дот встретила нас у входа. Её взгляд задержался на толстовке ровно на секунду дольше, чем требовалось для обычного человеческого зрения.

— Интересно, — сказала она.

Я немедленно начала объяснять дождь, камеру, сарай, ключи и устройство центрального отопления.

Дот выслушала.

— Я вообще-то про грязь на объективе.

Оливер закрыл лицо ладонью.

Вечером я постирала толстовку. Роза наблюдала, прислонившись к дверному косяку.

— Мужская?

— Рабочая.

— У неё есть мужское имя?

— Оливер Рид.

— Звучит как человек, который сортирует чайные пакетики по уровню ответственности.

— Примерно так.

— И ты носила его толстовку.

— Потому что промокла.

— Конечно.

Я бросила в неё кухонное полотенце.

Позже, когда она ушла вниз проверять цветы, я села у окна. По улице шли люди с зонтами, фургон доставки пытался развернуться возле булочной, кто-то смеялся под нашим окном.

Я подумала о том, как Оливер не стал расспрашивать меня в машине. Не попытался исправить мою жизнь, не предложил более серьёзную работу, не объяснил, что я слишком остро реагирую.

Просто включил обогрев.

Это ещё ничего не значило.

Я повторила это себе дважды, на всякий случай.

Глава 5

Срочно требуется обычный человек

Совещание о будущем канала началось с того, что у генерального директора не получилось вывести презентацию на экран.

Дот принесла бумажные распечатки.

— Я предполагала, что будущее наступит без кабеля, — сказала она.

Генерального директора звали Джудит Шоу. Невысокая женщина в зелёном жакете, она умела произносить «нам нужно немного сократить расходы» с выражением лица врача, который вынужден сообщить пациенту, что тот теперь будет жить без половины шкафа.

Мы собрались вокруг стола. Финн прикатил к столу офисное кресло: у единственного свободного стула не хватало ножки. Мэриголд назвала это символом положения отрасли.

Джудит сразу перешла к неприятной теме.

У канала заканчивался договор с крупным рекламодателем. Новый владелец местной торговой сети пересматривал бюджет. Если найти замену не удастся, осенью придётся сокращать производство.

— Закрывают? — спросил Финн.

— Нет. Сейчас обсуждаем, как сохранить объём работы.

Мне понравилось, что Джудит не сказала «всё прекрасно».

До летней городской ярмарки оставалось восемь недель. Канал собирался провести большой прямой эфир с площади: музыка, местные предприятия, истории жителей. Результаты эфира и новые договорённости с рекламодателями должны были помочь защитить бюджет.

— Мы не устраиваем телемарафон спасения самих себя, — уточнила Джудит. — Зрителю нужен хороший вечер. Если он останется с нами, партнёрам будет проще понять нашу ценность.

Оливер раздал листы с задачами. Моё имя стояло возле рубрики «Люди Уиллоубриджа».

— Нужна серия коротких историй, — сказал он. — Не только юбилеры и победители конкурсов. Люди, которые делают что-то для других. Элли собирает предложения и готовит пилот. Прия будет старшим продюсером проекта.

Я посмотрела на него.

— Я?

— На листе именно вы.

— Я две недели здесь.

— Поэтому начнём с пилота, а не с национальной премии.

После совещания я задержалась у Прии.

— Он уверен?

— Он редко делает что-то наугад. Даже печенье выбирает с учётом хронометража.

— А ты не против?

Прия посмотрела на меня поверх очков.

— Против хорошего коллеги? Категорически за. У меня дома двое детей, здесь три программы и муж, который считает, что раз работает из дома, то может в два часа дня спросить, где у нас мука. Возьми рубрику, Элли.

Я открыла новый документ и назвала его «Обычные люди».

Через час стало ясно, что обычных людей в городе не существует.

Дот прислала контакт почтальона, который запоминает дни рождения одиноких жителей. Мама предложила соседку, делающую одеяла для приюта. Финн знал механика, который бесплатно чинит велосипеды детям. Роза, услышав о рубрике, тут же заявила:

— Сними меня. Я вчера не ударила клиента, который попросил букет «побогаче, но за пять фунтов».

— Это подвиг, но пока не серия.

Оливер подошёл к столу, когда я составляла список.

— Почему «Обычные люди»?

— Потому что все необычные уже ведут программы.

— Название звучит так, будто мы заранее извиняемся за гостей.

Я хотела возразить, но поняла, что он прав. Это стало случаться раздражающе часто.

— Тогда «Рядом с вами».

Он прочитал.

— Лучше.

— Вы могли бы иногда говорить «прекрасно».

— Когда будет прекрасно.

Первой героиней стала Нэнси Уэбб, бывшая школьная повариха. Раз в неделю она открывала свою кухню для молодых людей, которые не умели готовить, и учила их делать дешёвые простые обеды. Объявление висело в библиотеке: «Без стыда. Без сложных ингредиентов. Фар-тук найдём».

Нэнси впустила нас с Финном в дом, посмотрела на камеру и сказала:

— Эту штуку далеко от масла. В прошлый раз племянник снимал блины, пришлось отмы-
вать интернет.

На кухне собрались трое студентов и мужчина лет сорока, недавно разведённый. Он честно признался, что до этого знал только один рецепт: снять плёнку и поставить на четыре минуты.

Нэнси не смеялась.

— Прекрасно. Значит, читать умеете. Половина кулинарии уже освоена.

Я записывала её слова и ловила себя на том, что улыбаюсь. Здесь никто никого не называл беспомощным. Даже когда один студент почистил лук так усердно, что от него осталось воспоминание.

Потом Нэнси поставила меня к плите.

— Ты тоже мешай.

— Я за кадром.

— Голод тоже за кадром бывает. Ложка справа.

Финн снял мои руки, пока я размешивала соус. Я спросила, почему она начала занятия.

Нэнси задумалась.

— После смерти мужа я готовила слишком много. Сначала пыталась уменьшать порции. Потом подумала: зачем уменьшать, если можно увеличить число людей?

Я не стала просить повторить фразу красивее.

На просмотре Оливер остановил запись.

— Вот это оставляем.

— Я знаю.

— Хорошо.

— И?

Он посмотрел на меня.

— Прекрасно, Элли.

Я поклонилась. Он вернулся к экрану, но на щеке появилась ямочка, которую мне немедленно захотелось объявить производственным браком.

Пока мы готовили пилот, я искала собственную квартиру. Комната у Розы была уютной, однако по утрам меня будил шум разгрузки, а в комнате пахло эвкалиптом. Кроме того, мой халат постоянно оказывался на манекене в подсобке: Розы считала, что так он меньше мнётся.

Первую квартиру агент назвал «компактной и полной характера». Характер заключался в том, что дверь холодильника не открывалась, если в кухне находился человек.

Во второй окно выходило на стену. Агент назвал это уединением.

Третья находилась над магазином музыкальных инструментов.

— По вечерам бывает немного слышно, — предупредили меня.

Снизу донёсся первый неуверенный звук трубы. Я почувствовала, что моя новая жизнь просит пощады.

В четверг Дот положила на стол визитку.

— Моя сестра сдаёт квартиру у библиотеки. Небольшая, но приличная. Хозяйка вредная.

— Ваша сестра?

— Поэтому и предупреждаю.

Квартиру я посмотрела после работы. Две комнаты под скатом крыши, маленькая кухня, окно на каштан. В ванной приходилось немного наклонять голову, зато в гостиной можно было поставить книжный шкаф. Я сразу увидела, где он будет стоять.

Сестра Дот, миссис Грин, провела пальцем по подоконнику.

— Животные?

— Нет.

— Курите?

— Нет.

— Музыкальные инструменты?

— После сегодняшнего просмотра я против них в принципе.

Она одобритительно кивнула.

Аренда была по карману, если не покупать ничего роскошного, включая некоторые виды сыра. Я попросила договор и два дня на решение. Раньше в такой ситуации я позвонила бы Тому. Теперь позвонила маме.

— Мне нравится, — сказала я.

— Тогда внимательно прочитай договор.

— И всё?

— А что ещё?

Я молчала.

Мама тоже помолчала, потом мягко добавила:

— Элли, тебе не нужно моё разрешение жить.

В пятницу вышел пилот «Рядом с вами». Нэнси рассказывала про суп, студент пытался разрезать хлеб, а в конце за стол садились все пятеро. С согласия Нэнси мы разместили на сайте адрес библиотеки, где можно было записаться на занятия.

На следующий день она позвонила Дот. Записалось столько людей, что пришлось искать помещение побольше. Библиотека предложила зал с маленькой кухней.

Оливер переслал мне письмо Нэнси. Без комментария. Я прочитала его три раза.

Потом он прислал второе сообщение: «Для следующего выпуска проверьте доступность помещения заранее».

Я написала: «Вы только что превратили радость в техническое задание».

Ответ: «Она от этого дольше прослужит».

В субботу я подписала договор аренды.

Розы помогала переносить вещи и громко утверждала, что вовсе не расстроена.

— Наконец-то мой халат снова будет моим, — сказала я.

— Манекен к нему привязался.

Мама привезла шторы, суп и набор отвёрток. Последнее удивило.

— Ты думала, я всю жизнь только готовлю? — спросила она. — Твой отец однажды три месяца собирался прикрутить полку. Я многое узнала о себе.

Папа умер, когда мне было девятнадцать. Мама редко говорила о нём печально; чаще рассказывала, как он потерял шляпу, перепутал автобусы или спорил с духовкой. Благодаря этому он оставался человеком, а не портретом.

Вечером мы втроём сидели на полу и ели пиццу из коробки. Дивана ещё не было. Зато были ключи, которые подходили к моей двери.

Рози достала бутылку недорогого игристого.

— За квартиру.

Мама подняла бумажный стаканчик.

— За то, чтобы здесь было хорошо.

Я посмотрела на пустые стены, на коробки, на каштан за окном.

— За то, чтобы я не боялась, если сначала будет не очень.

Мы выпили.

Когда они ушли, я начала разбирать вещи. На дне коробки обнаружилась открытка от Тома с нашего первого Рождества. «С тобой любое место — дом». Я долго держала её в руках, потом положила в ящик. Не выбросила. Не поставила на полку. Просто выбрала место, где она могла существовать, не руководя комнатой.

Телефон завибрировал. Рабочий чат.

Финн прислал фотографию Персиваля, которому миссис Пайк связала маленький шарф в цветах канала. Прия написала, что птица требует отдельный договор. Мэриголд заявила, что гуся явно лучше причёсывают перед эфиром.

Оливер появился последним.

«В понедельник обсудим ярмарку. Хороших выходных».

Я уже собралась отложить телефон, когда пришло личное сообщение.

«Дот сказала, вы переехали. Всё нормально?»

Я посмотрела на коробку, заменявшую стол, и на чашку без пары.

«Да. Только нет дивана».

Через минуту он ответил:

«Главное, есть дверь, которую можно закрыть».

Я медленно перечитала фразу. Потом написала: «И окно, которое можно открыть».

Он поставил реакцию — маленькую галочку.

Разумеется.

Даже в переписке этот мужчина утверждал документы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.